

О пьесѣ Горькаго.

М. Горькій назвалъ свою пьесу: „Сцены въ домѣ Безсѣменова“. Дѣйствіе происходитъ въ маленькомъ провинціальномъ городѣ, въ домѣ зажиточнаго мѣщанина Василя Безсѣменова. Дѣйствующія лица: самъ Безсѣменовъ, его жена, сынъ его Петръ—студентъ, дочь Татьяна—учительница городской школы, воспитанникъ Нилъ—машинистъ на желѣзной дорогѣ, мажорантъ Безсѣменова пѣвчій Тетеревъ—человѣкъ пьющій, озлобленный и философствующій, квартирантка Елена Кривцова—молодая вдова смотрителя тюрьмы, дальній родственникъ Безсѣменова Перчихинъ—бѣдный мѣщанинъ, торговецъ пѣвчими птицами, дочь его Поля—швея, поденная работница; эпизодическія лица: товарищъ Петра студентъ Шашкинъ и подруга Татьяны учительница Цвѣтаева.

Самъ Безсѣменовъ—бывшій подрядчикъ, старшина малярнаго цеха, мѣтитъ въ ремесленныя головы. Человѣкъ, „своимъ трудомъ“ нажившій небольшой капиталецъ, онъ самолюбивъ, скупъ, грубоватъ, желаетъ, чтобы все въ домѣ подчинялось ему, и любитъ порядокъ во всемъ.

„Само солнце восходить и заходить аккуратно такъ, какъ положено ему отъ вѣка, а ужъ если въ небесахъ порядокъ—на землѣ тѣмъ паче быть должно!“—говоритъ онъ. Онъ доказываетъ женѣ и дочерѣ что „плеленый сахаръ тяжелъ и не сладокъ. Сахаръ всегда нужно покупать головой и колоть самими. Отъ этого будутъ крошки, а крошки въ кушанье идутъ“. Образованныя дѣти то и дѣло задѣваютъ его самолюбіе, и онъ вается передъ женой:

— „Нѣтъ, аря всетаки разгородились мы отъ нихъ образованіемъ—то! Никогда не надо дѣтямъ давать больше того, сколько самъ имѣешь!“

Онъ не видитъ въ дѣтяхъ „никакого характера, ничего эдакаго... крѣпкаго! Вѣдь въ каждомъ человѣкѣ должно быть что нибудь свое, а они какіе-то... ровно-бы безъ лицъ! Вотъ Нилъ: онъ—дерзковъ, онъ—разбойникъ, но человѣкъ съ лицомъ! Его можно понять...“ Дѣтей своихъ онъ не понимаетъ и спрашиваетъ ихъ:

— „Какъ, собственно вы жить думаете? Къ чему у васъ намѣренія? Нашъ порядокъ жизни вамъ не нравятся, это мы видимъ... а какой свой порядокъ вы придумали? Вотъ онъ, вопросъ!“

На этотъ вопросъ дѣти не могутъ дать ему отвѣта; онъ безпокоится, раздражается и при всякомъ удобномъ случаѣ требуетъ

отъ дѣтей подчиненія его волѣ, признанія его правды руководительницей и ихъ жизни. И когда сынъ возражаетъ ему: „Твоя правда узка намъ, мы выросли изъ нея, какъ вырастаютъ изъ платья. То, чѣмъ ты живъ, твой порядокъ жизни уже негодится для насъ!“—старикъ кричитъ: „Врешь! Одна правда! Моя правда! Какая ваша правда? Гдѣ она? Покажи!“

Старуха Безсѣменова вся поглощена желаніемъ какъ нибудь загладить разладъ отца съ дѣтьми. Она слишкомъ любитъ дѣтей, ничего не требуетъ отъ нихъ, только слѣдить, чтобы отецъ не очень обижалъ ихъ, а они—его. Когда старикъ упрекаетъ дѣтей, что они стѣснили его: „Къ вамъ постоянно гости ходятъ, опять мнѣ не даютъ... мы съ матерью жмемъ въ углу!“—старуха, въ отчаяніи, кричитъ:

— „Голубчики! Да я вѣдь... родной ты мой! Развѣ я говорю что? Да я и въ углу... и въ углу... въ хлѣву! Только не ругайтесь вы, не грязите другъ-друга, милые!“

А когда мужъ говоритъ ей: „Я отъ души... отъ страха за нихъ... отъ боли душевной кричу, а не отъ злости!“—она возражаетъ:

— „Голубчикъ! Я вѣдь знаю... да, жалко ихъ! Мы старше съ тобой! Мы—таковскіе! Куда насъ? Господи! На что насъ? А имъ—жить! Они, милые, горя-то и отъ чужихъ много увидятъ...“

Эти сцены и общій порядокъ жизни въ домѣ Безсѣменова гибельно отражаются на Татьянѣ, натурѣ слабой, уставшей отъ работы, которая не интересуется ею, и отъ жизни въ домѣ отца, — жизни, полной мелочныхъ дразгъ и взаимнаго непониманія. Ей хочется жить какъ нибудь иначе, лучше, но она не знаетъ—какъ? и, главное, не вѣритъ, что это можно, можно жить иначе и лучше. Ржавчина дрянной мѣщанской жизни разѣдала ей душу. Когда она читаетъ книгу, книга раздражаетъ ее:

— „Всегда въ книгахъ описываютъ жизнь не такой, какая она на самомъ дѣлѣ..., у насъ, напримѣръ. Мнѣ часто кажется, что книги пишутъ люди, которые не любятъ меня и всегда спорятъ со мной. Дурное и тяжелое они изображаютъ не такъ, какъ я его вижу, а всегда какъ-то особенно... болѣе крупно... въ трагическомъ тонѣ. А хорошее—они выдумываютъ. Никто не объясняется въ любви такъ, какъ объ этомъ пишутъ! И жизнь не трагична—она течетъ тихо, однообразно, какъ большая мутная рѣка. А когда смотришь, какъ течетъ рѣка, то глаза устаютъ, дѣлается скучно, голова тупѣетъ и даже не хочется подумать куда, зачѣмъ течетъ рѣка?“ Своей подругѣ Цвѣтаевой, бойкой, прямодушной

дѣвушка, всегда куда то спѣшащей, она говоритъ:

— „Всѣ вы—ты, Нилъ, Елена,—всѣ вы умѣете выдумывать что то такое, что радуетъ васъ, позволяете вамъ надѣяться на лучшее. Но вѣдь вы выдумываете это,—вѣдь въ жизни нѣтъ радостей, не на что надѣяться и никто, никто не знаетъ, зачѣмъ нужно жить? Я родилась безъ вѣры. Ничто никогда не казалось мнѣ достовѣрнымъ. Когда я говорю: „да!“ или—„нѣтъ!“—я говорю это не по убѣжденію, а по привычкѣ. Иногда скажешь: нѣтъ! и тутъ же подумаешь про себя: развѣ? а можетъ быть да? Я—ползучее растеніе подь ногами у васъ. Ни красы во мнѣ ни радости. а идти людямъ я мѣшаю моими стопами... И я понимаю, я поняла жестокую логику жизни: кто не можетъ ничего дѣлать, тотъ не имѣетъ права жить и долженъ погибнуть“.

Когда она приходитъ къ убѣжденію, что ей „не гдѣ, не чѣмъ, не зачѣмъ жить“, то принимаетъ нашатырный спиртъ. Но эта попытка умереть не удается ей, какъ не удалось бы и всякая другая попытка активного дѣйствія.

Братъ ея Петръ, исключенный изъ университета за беспорядки, слишкомъ молодъ для того, чтобы представлять собою какую либо опредѣленную фигуру, но все же онъ съ досадою восклицаетъ:

— „Чертъ дернулъ меня принять участіе въ этихъ дурацкихъ волненіяхъ! Никакого режима, мѣшавшаго мнѣ изучать римское право, я не чувствовалъ. Но я почувствовалъ режимъ товарищества и уступилъ ему. Это было насиліе надо мной!“

Жизнь въ домѣ отца тяжела ему, но гораздо больше раздражаетъ его беспорядочная и шумная жизнь Нила, Шипкина, Цвѣтаевой, Елены, которые всегда оживлены, всегда куда-то уходятъ, устраиваютъ какіе-то

спектакли, чтенія и подсмѣиваются надъ нимъ за скептицизмъ, съ которымъ онъ относится къ ихъ жизни и взглядамъ.

— „Называя всю эту вашу бѣготню и суету живымъ дѣломъ, вы обманываетесь!—говорить онъ имъ. А разговаривая съ Тетеревомъ онъ заявляетъ:

— „Общество! Вотъ что я ненавижу! Оно все повышаетъ требованія къ личности, но не даетъ ей возможности развиваться правильно, безъ препятствій... Человекъ долженъ быть гражданиномъ прежде всего!—кричало мнѣ общество въ лицѣ моихъ товарищей. Я былъ гражданиномъ... чертъ ихъ возьми!“

Разговаривая съ Еленой, которую онъ сильно увлекается къ присмирѣнію отца и матери, Петръ болѣе искрененъ и говоритъ прямо:

— „Я, очевидно, слабый человекъ... Эта жизнь не по силамъ мнѣ! Я чувствую ея пошлость, но ничего не могу измѣнить, ничего не въ состояніи внести. Я просто хочу уйти, жить одинъ“...

Въ немъ есть всѣ задатки для того, чтобы современемъ занять въ жизни мѣсто своего отца и такъ же стойко поддерживать мѣщанскій порядокъ.

Эти четверо—создаютъ въ пьесѣ унылое и тревожное настроеніе. Старикъ Безсѣменовъ—не глухой человекъ, онъ чувствуетъ приближеніе чего-то новаго, что его пугаетъ, онъ говоритъ сыну:

— Боюсь я! Время такое... волнуется жизнь! За тебя боюсь.. Вдругъ чтонибудь—кто насъ поддержитъ въ старости? Ты—опора намъ. Вонъ Нилъ то, вишь какой? И этоть... птица эта, Тетеревъ... тоже! Ты сторонись ихъ... Они не любятъ насъ...“.

(Окончаніе слѣдуетъ).

О пьесѣ Горькаго.

(Окончаніе).

Перчихинъ — геселый, бездомный старикъ. Онъ любитъ природу, любитъ ловить птицъ, любитъ и выпить и совершенно лишень стремленія устроить свою жизнь какънибудь поудобнѣе, потеплѣе. На дочь свою онъ не обращаетъ никакого вниманія, но, узнавъ отъ старухи Весѣиной, что Поля выходитъ замужъ за Нила, радуется.

— „Теперь я совѣмъ свободный мальчикъ! Теперь я такъ заживу-у! Никто мени и не увидитъ! Прямо въ лѣсъ и—пропалъ Перчихинъ! Бывало я думалъ—дочь... какъ жить будетъ? И было маѣ предъ ней даже совѣстно... Родить—родилъ, и больше ничего и не могу! А теперь я куда хочу уйду! Жаръ-Птицу уйду ловить за самыя за тридевять земель!“

Онъ по природѣ своей бродяга; жизнь въ городѣ среди людей не нравится ему.

— „Сдѣлай милость, не уважай меня, я самъ ни кого не уважаю... Люди, которые на землѣ свой кусъ хлѣба берутъ—другъ у друга изо рта его деруть, а я получаю пищу мою изъ воздуха, отъ небесныхъ птицъ кормлюсь. Мое дѣлце чистенькое!“

Перчихинъ — эпизодическое лицо пьесы, онъ не играетъ въ ней видной роли.

Пѣвчій Тетеревъ — человѣкъ сильно пьющій и озабоченный неудачами. Про себя онъ говорить не любитъ и только въ одномъ мѣстѣ, разговаривая съ Татьяной, на ея вопросъ „что случилось съ вами въ жизни?“ — отвѣчаетъ стихами Гейне: а

Солица, счастья шель искать,
Нагъ и боѣзъ вернулъ вспять.
И бѣлье, и упованье
Истаскалъ въ своемъ ситапѣ...

Весѣиныхъ онъ ненавидитъ непримимой ненавистью за то, что они хозяева жизни, и въ то же время презираетъ ихъ, ибо видитъ ихъ бессиліе. Въ разговорѣ съ Еленой послѣ покушенія Татьяны на самоубійство онъ такъ характеризуетъ жизнь въ ихъ домѣ:

— „Здѣсь, въ этомъ домѣ, все замираетъ особенно быстро—и крикъ боли, и смѣхъ радости. Всякія потрясенія для него, какъ ударъ палкой по лужѣ грязи. И послѣднимъ звукомъ всегда является крикъ пошлости, феи здѣшнихъ мѣстъ. Торжествующая или озабоченная, здѣсь она всегда говоритъ пошлѣйшей“.

И, пьяный, онъ заявляетъ старику Весѣинову:

— „Ты въ мѣру умень и въ мѣру глушь, въ мѣру добръ и въ мѣру золь, въ мѣру чистень и подлъ, трусливъ и храбръ... ты образцовый мѣщанинъ! Ты законченно воплотилъ въ себя пошлость, ту силу, которая побѣждаетъ даже героевъ и живетъ, живетъ и торжествуетъ“...

— „Живешь ты зря, ни къ чему,—говорить ему Весѣиновъ,—но ежели бы захотѣлъ“...

— „Не хочу захотѣть, ибо противно маѣ. Мнѣ благороднѣе пьянствовать и погибать, чѣмъ жить и работать на тебя и подобныхъ тебѣ. Можешь ли ты, мѣщанинъ, представить себѣ меня трезвымъ, прилично одѣтымъ и говорящимъ съ тобою рабынъмъ языкомъ слуги твоего? Нѣтъ, не можешь“...

Тетеревъ всёхъ задираетъ, всегда философствуетъ и особенно любить проповѣдывать парадоксальныя, рискованныя идеи. Въ первомъ актѣ пьесы, во время разговора молодежи о добрѣ и злѣ, онъ произноситъ такую характерную рѣчь:

— „Достопочтенные двуногіе! Когда вы говорите, что зло слѣдуетъ оплачивать добромъ, вы ошибаетесь. Зло есть качество, врожденное вамъ, и потому — малоцѣнное. Добро вы сами придумали — вы страшно дорого платили за него и потому оно благо, цѣнность, рѣдкая вещь — прекраснѣе которой нѣтъ на землѣ ничего. Отсюда выводъ: уравнивать добро со зломъ не выгодно для васъ. Я говорю вамъ: добромъ платите только за добро. И никогда не платите больше того, сколько получено вами, дабы не поощрять въ человѣкѣ чувство ростовщика, ибо человѣкъ жаждетъ. Получивъ однажды больше того, сколько слѣдовало ему, въ другой разъ онъ захочетъ получить еще больше. А также не платите ему меньше, чѣмъ должны, ибо если вы его разъ обидите — человѣкъ злопамятенъ! — онъ скажетъ про васъ: „банкроты“, перестанетъ уважать и въ другой разъ не добро уже сдѣлаетъ вамъ, а только подастъ милостыню. Братіе! Будьте строго точны въ удалѣть за добро, содѣянное вамъ! Ибо нѣтъ на землѣ ничего печальнѣй и противнѣй человѣка, подающаго милостыню ближнему своему. Но за зло всегда платите сторицею! Будьте жестоко щедры, вознаграждая ближняго за зло его, содѣянное вамъ. Если онъ, когда вы просили хлѣба, далъ камень вамъ, — опрокиньте гору на голову его!“..

Роль Тетерева очень велика, быть мо-

жетъ она даже больше, чѣмъ-бы слѣдовало ей быть.

Воспитанникъ Безсѣменова Нилъ — здоровый, добрый парень. Онъ развѣзжается на северныхъ паровозахъ съ товарными повѣздами, ругается съ начальствомъ, ненавидитъ старика Безсѣменова, любить Полю и не замѣчаетъ, что Татьяна любитъ его,

— „Интересная штука жизнь! — восклицаетъ онъ. — Вздѣть на северныхъ паровозахъ, осенними ночами, подъ дождемъ и вѣтромъ, или зимою, въ мятель, когда вокругъ тебя нѣтъ пространства, все закрыто тьмой, завалено снѣгомъ — утомительно, трудно, опасно, если хотите, и все-таки въ этомъ есть какая-то прелесть!“..

Онъ не считаетъ себя богатыремъ, героемъ, а только здоровымъ, честнымъ человекомъ. Полный увѣренности въ своей силѣ, всегда и предъ всѣми готовый постоять за свою личность, онъ спокойно утверждаетъ:

— Наша возьметъ!“

И собирается на всѣ средства души своей удовлетворить свое желаніе вмѣшаться въ самую гущу жизни, мѣсить ее и такъ, и этакъ, тому — помѣшать, этому — помочь...

— „Вотъ въ чемъ радость жизни!“ — заявляетъ онъ.

— „Вотъ смыслъ глубочайшей науки, вотъ смыслъ философіи всей!“ — подтверждаетъ Тетеревъ

Нилъ — одно изъ главныхъ лицъ въ пьесѣ. Старикъ Безсѣменовъ, воспитывая его, имѣлъ главную надежду современемъ выдать дочь свою замужъ за него. Но Нилъ безъ вѣдома и спроса старика избралъ себя въ подруги жизни Полю. Фигура Поли едва очерчена. Это — простая дѣвушка. Она любитъ ходить

въ театр, когда тамъ дають „Испанскаго дворянина“ и другія пьесы героическаго характера. Она любить читать книжки и очень довольна, если въ нихъ хорошо пишутъ о женщинахъ.

— „Вотъ какъ видишь женщину-то, въ милomъ образѣ описанную, такъ и сама себя лучше кажешься!“—говоритъ она. Она утверждаетъ, что „мужчина долженъ знать, что ему нужно дѣлать въ жизни“, и увѣрена, что Нилъ это знаетъ, что онъ знаетъ все“. Она любитъ просто, спокойно, увѣренно. Когда Нилъ говоритъ съ ней о своей любви, она отвѣчаетъ ему такими словами:

— „Милый ты мой, другъ! Славный ты, мой человекъ!“

— И все.

Ей нравится студентъ Шишкинъ за то, что онъ замѣчаетъ, „какъ живутъ горничныя и другіе люди, служащіе богатымъ“.

Студентъ Шишкинъ бѣгаетъ по урочамъ и всюду ругается. Въ одномъ случаѣ отецъ тѣхъ ребятъ, которыхъ Шишкинъ обучаетъ, оказывается антисемитомъ, за что и получаетъ отъ студента здоревый нагоняй. Въ другомъ—работодатель занимается нумизматикой, и это побуждаетъ Шишкина заявить ему что „нумизматика—ерунда! любой булыжникъ древнѣе всѣхъ вашихъ мѣдяшекъ!“ За такіе поступки Петръ Везсѣменовъ отговаривается рекомендовать Шишкина репетиторомъ въ порядочные дома. Но Шишкинъ глубоко увѣренъ что „даже и въ пустыняхъ надо говорить правду“.

Елена—женщина веселая, добрая, немножко плутоватая. Она сама заставляеть Петра объясниться ей въ любви.

— Я—не серьезная—говорить она,—люблю веселыхъ людей... Веселые востро что-то дѣлають...

Она и Петра не серьезно любитъ, а скорее жалѣеть его и желаетъ вытащить изъ той тяжелой обстановки, въ которой онъ живетъ. Дѣлаетъ она это почти открыто, мало не заботясь о своей репутаціи, и вообще она не думаетъ о томъ, что говорятъ про нее и что могутъ сказать. Когда она была женой зрителя тюрьмы, то снабдила арестантовъ водкой, завела у нихъ въ номерахъ пѣвчихъ птицъ, карты, шаши и замѣтивъ, что они любятъ яркіе цвѣты, нарядилась для нихъ удовольствія въ красныя и желтыя кофточкы.

Изъ этого легкаго очерка характера читатель, надѣемся, увидитъ, что пьеса построена на противоположеніи двухъ настроеній, изъ которыхъ одно одиозное. Везсѣменовыми съ ихъ боязнью жизни, дѣло—Ниломъ, Еленой, Шишкинымъ, съ ихъ бодримъ желаніемъ работать, веселиться, „вышвиваться въ самую гущу жизни“, „жить на всѣ средства души“. Все, происходящее въ домѣ Везсѣменова, Тетерина объясняется такъ:

— „Люди настраиваются жить. Вы сами, какъ музыканты настраиваютъ инструменты предъ началомъ пьесы? Ухо ловитъ множество отдѣльных вѣрныхъ нотъ, много красивыхъ, сильныхъ фразъ, и ужасно хочется скорѣе услышать, что именно будутъ играть музыканты. Кто изъ нихъ солистъ? Какова пьеса? Вотъ и здѣсь тоже настраиваются люди“...